

Мы разные потому, что разные? Это не ответ!

С.С. Сулакшин, доктор физико-математических наук, доктор политических наук

Необходимо отдать должное той версии и интерпретации исследовательской задачи, которую представил докладчик. Признаюсь, что горжусь нашим семинаром, потому что он собирается не для того, чтобы поговорить и разойтись, а ставит некоторые очень возбуждающие задачи и пытается их решать, доходя до ответа, до решения этой задачи.

Итак, задача состояла в том, чтобы решить: **в чем** мы — Россия и Запад — разные, и **почему** мы разные. Докладчик заявил: потому, что разные ценности и интересы. Но на вопрос, почему это так, последовал ответ: потому что разные социально-политические антропологии. На вопрос, почему это так, и где конец этой почемушки — конец (а вернее — начало отсчета) докладчиком было обозначено как различия в религиозно-философских концептах, догматике и аксиологии. Значит, по этой логике, исходная причина различий находится в философско-религиозном пространстве. Но, на мой взгляд, это тоже не причина, это *проявление* различий, максимум — это промежуточная причина. Почему я так считаю? Потому что, тогда нужно предположить, что история наших различий насчитывает всего лишь тысячу лет.

А.И. Фурсов в солидарность с моей позицией, не зная о ней, задал вопрос: «А до этого периода не возникало некоторого генезиса причинных категорий, которые все время генерируют и воспроизводят эти наши различия?». Значит, российской или русской цивилизации тоже всего лишь тысяча лет? Ну, раз уж она определяется двумя маркерами — ин-

тересами и ценностями, как пояснил докладчик, отвечая на вопрос В.И. Якунина. Тут есть один необходимый экскурс — квазиматематический. Интересы и ценности — это не есть *независимые* координаты в причинно-понятийном смысловом пространстве. Интересы — что это такое? Это психолого-деятельностная категория, которая мотивирует индивида на действие, но замешана и связана с потребностями, которые ограничиваются ценностями. Это связанные категории. Конечно, речь, в основном, идет о ценностях, а не об интересах. В.И. Якунин справедливо заметил, что это довольно узкая конъюнктурная в историческом смысле проблематика политологии, геополитики и т. д.

Об интересах и о ценностях, в принципе, можно договориться в современном глобальном коммуникационном дискурсе. Скажем, наша молодежь — опять-таки, эта мысль прозвучала — довольно быстро переходит в ориентации с высоких идейно-духовных ценностей на ценности «порнографических» субституттов. Значит, различия могут когда-нибудь исчезнуть, и это самая возбуждающая сердцевина поставленного вопроса. Так могут эти различия исчезнуть или нет? Я не знаю ответа, но думаю, что этот ответ — самое важное, что было необходимо найти.

Кажется, что мы всегда и почти во всем различались. Сейчас мы в Косово различаемся. И в Абхазии, и в Южной Осетии различаемся. И ракеты по сусекам собираем, пытаясь поставить их в Калининграде. И хотя нет уже Советского Союза, нет уже биполярного мира, все равно нечто нас разъединяет — вот то самое искомое *нечто*. У докладчика прозвучала необычайно важная подача о некоей цели, цели глобальной, о некоем плане, который движет российским развитием и российской историей. Хочется спросить самого себя: а чья это цель? Чей это план? Кто это движение России в истории организует? Не находя ответа, который я все время ищу, на каком-то бесконечно тонком уровне причинного разложения приходишь к выводу, что вот этой агностичностью

С.С. Сулакшин. Мы разные потому, что разные? Это не ответ!

ситуации мы неизбежно доказываем существование некоего Демиурга, который поставил цели, заложил функциональные отличия России. Это, конечно, очень условно.

В чем же мы разные? Гены другие? Это вытекает из климатико-ландшафтного генезиса, упомянутого в теории Гумилева? Божий ли замысел столь специфичен, что нас сделал иными, и именно в этой инаковости его вечный замысел — Россия *всегда* будет показывать миру, как не надо жить?

Свою реплику я хотел бы завершить вопросом: в чем же разделены Россия и Запад — не на поверхностном, не на промежуточном причинном уровне разложения причинных связей, — а на исходном, сущностном причинном уровне? Мне кажется, что не добрались мы сегодня до этого уровня. Мы как-то даже уходим от самой необходимости туда попасть. Это очень сложно, точно так же сложно, как с помощью физических законов существования микромира попытаться описать существование нашего мира, макромира и т. д.